

18+

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ
МИРОНЕНКО

МЕХАНОГНОЗИС

АНТИСМЫСЛ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ
НОМО SAPIENS.

Никита Мироненко

**Механогнозис. Антисмысл:
деконструкция Homo sapiens.**

«Издательские решения»

Мироненко Н. С.

Механогнозис. Антисмысл: деконструкция Homo sapiens. /
Н. С. Мироненко — «Издательские решения»,

Что останется от человека, если последовательно отключить все защитные фильтры его восприятия? В формате мрачной философской притчи, наследующей традиции Ницше, Шопенгауэра и Цапффе, разворачивается жесткий аудит человеческой природы. Странник, потерявший смысл существования, ищет ответы у Мудреца Костей. Но вместо утешения получает ледяную декомпиляцию своего вида.

Содержание

Механогнозис	6
Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Механогнозис

Антисмысл: деконструкция Homo sapiens.

Никита Сергеевич Мироненко

© Никита Сергеевич Мироненко, 2026

ISBN 978-5-0070-8468-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение:

«Данная книга является художественным произведением в жанре философской притчи / темного фэнтези. Все события, локации и персонажи являются вымышленными. Текст представляет собой художественное исследование радикального нигилизма и материализма как литературных концепций. Автор не разделяет взглядов персонажей, не призывает к отказу от традиционных ценностей, религии или государственных институтов, а равно не имеет целью оскорбление чьих-либо чувств. Книга предназначена исключительно для лиц старше 18 лет, интересующихся историей философии и мрачной беллетристикой».

Механогнозис

Апокриф о виде, который не выдержал собственной прозорливости

Пролог

О спуске и о том, кто ждал у берега

Есть земли, где солнце восходит на востоке лишь по привычке — и никому от этого не легче. Есть и другие пространства. Их не отмечают на картах живых, потому что карты чертят те, кто ещё лелеет надежду вернуться. Земля Обречённых лежит значительно ниже любой из надежд: там, где обрывается последняя человеческая тропа, пролегает вечный литораль из костей.

*

Странник сошёл на берег в глухой серый час, когда небо и море ожесточённо спорили, кому отдать остаток угасающего света. Море не было водой. Оно вздымалось кровью — густой, подёрнутой пеной, похожей на костную пыль. По вязким волнам дрейфовали обломки: рёбра, позвонки, расколотые фаланги, сплетённые чёрными водорослями в бесконечные цепи. Иногда в тумане проступало нечто большее — исполинский труп великана, лежащий на боку подобно мёртвому острову; на его затвердевшей груди застыли безглазые птицы, а из разинутого рта тянулись узловатые корни высохших деревьев. То были трупы богов: тех, кого когда-то кликали грозными именами, ныне стёртыми из истории симуляции.

Странник шёл вдоль кромки. Под его сапогами с сухим хрустом крошилось чужое прошлое. Каждый шаг был попиранием чьих-то суставов. Вдалеке, на сером склоне, проступала история: монументальное полотно, собранное из скелетов приматов — миллионы маленьких костяных дуг, выстроенных в гротескные сцены охоты, войн, экстатических молитв и пожаров. Хроника, написанная обломками тех, кто её прожил. Смотреть на неё долго было невыносимо: оптический интерфейс начинал галлюцинировать, видя шевеление в застывшем костяном узоре. Пробуждался древний, аппаратный страх перед тем, что хаос имеет умысел.

— Ты пришёл сюда не за спасением, — донёсся голос со стороны скал.

Странник обернулся. На валуне, сложенном из четырёх потемневших черепов, сидел Мудрец. Его фигура напоминала человеческую; лицо — нет. Оно казалось вырезанным из древней слоновой кости, пожелтевшей и покрытой сеточкой микротрещин, словно страница фолианта, которую слишком долго держали над огнём. Глаза представляли собой две глубокие, стерильные пустоты, которые не отражали падающий свет, а безвозвратно поглощали его. Одевание Мудреца состояло из жёстких веревок, скрученных из высохших сухожилий; на груди покачивался амулет — клык хищника, на котором виднелся синтаксический знак, давно источенный временем.

— Откуда тебе знать, зачем я здесь? — спросил Странник.

— Потому что на этот берег ступают лишь те, у кого полностью рухнул интерфейс смысла, — Мудрец даже не повернул головы. — Твой аватар ещё функционален, сердце исправно качает кровь по сосудам, лёгкие судорожно цепляются за атмосферу, но центральная картина мира разбита. Для испуганного млекопитающего разрушение интерфейса страшнее, чем физическая утилизация туши. Ты ещё жив, и именно поэтому ты здесь. Мёртвые не задают вопросов. Они уже получили лаконичный лог реальности, не требующий комментариев.

Мудрец бесшумно соскользнул с валуна. Его шаги не оставляли вмятин на костяной крошке.

— Я отвечу тебе обо всём, — произнёс он, остановившись в шаге от Странника. — Обо всём деструктивном виде. Об обезьяне, которая научилась произносить слово «вечность» и с тех пор лишилась сна. Но помни: мои отчёты не созданы для утешения. Они снимают кожу с симуляции. Если ты ищешь новый ментальный костыль или свежую веру — шагай обратно в

багровые волны. Но море крови не пустит тебя. Оно принимает лишь тех, кто уже стал частью его бухгалтерии.

Странник промолчал, лишь плотнее запахнул плащ.

— Отлично, — Мудрец обнажил жёлтые зубы в подобии ухмылки. — Значит, система приняла команду. Иди за мной. Первая тропа ведёт туда, где обычный шорох в кустах примат перепрошил в образ Бога.

Апофегма

Путь к объективной истине не украшает бытие особи. Он лишь обнажает аппаратные цепи — и полностью обесценивает всё, что примат по ошибке назвал своей душой.

Глава первая

О шорохе, о лицах без тела и о мёртвых богах на берегу

1. О начале, которое было раньше храма

Они продвигались вдоль Костяного литоралья. Слева ворочалось тяжёлое море; справа высилась монолитная стена из лопаток и бёдер, сложенных без скрепляющего раствора, но удерживающих гомеостаз веками. Ветер приносил стойкий смрад ржавого железа и сладковатый дух биологического распада. На Земле Обречённых этот запах не вызывал отвращения — он слишком откровенно напоминал о подлинном устройстве любого мясного скафандра.

— Прежде чем у стаи возникли первый храм, жрец и догмат, — заговорил Мудрец, — существовало нечто куда более примитивное. Всеми зачином был шорох в кустах.

— Шорох? — Странник на ходу перешагнул через потемневший сустав. — Слишком ничтожный зачин для драмы мироздания.

— Мир примата никогда не начинался с величия. Он проектировался из животного испуга. Вид Обречённый — я именую его так, ибо каждая особь в нём рождена дважды: сначала биологически, а затем — через проклятие абстрактного прогнозирования, — изначально был слаб, ничтожен и статусно уязвим. Его Эго истерически требовало механизмов защиты. И лимбическая система сделала то, ради чего её отбирали миллионы лет эволюции: принялась защищать тушу от ужаса объективной реальности любыми доступными алгоритмами. Она начала множить лишние сущности. Раздувать абсурд. Лепить из хаотичных случайностей закономерности, из закономерностей — чужую волю, из воли — доминантную личность, а из личности — Архитектора Вселенной.

Странник бросил взгляд на багровые накаты волн. На воде покачивался обломок кости, напоминающий детскую кисть.

— И этот паттерн — ошибка конструкции? Сбой в коде?

— Нет. Это аппаратный контур, слишком древний, полезный и жестко закреплённый естественным отбором, чтобы считаться поломкой. Он заставляет особь защищать свою иллюзию ценой собственной биологической жизни. Для перепуганного примата крах интерфейса смысла страшнее, чем копьё конкурента в префронтальной коре. Мясо ещё цело, лёгкие качают кислород, но, если рухнул софт — млекопитающее оказывается перед бездной без кожи. В этот секундный пик тревоги включается стандартный стадный алгоритм: найти подобных, сбиться в кучу, синхронизировать кортизоловый выброс, назвать хаос понятным именем и притупить рассудок настолько, чтобы существование снова стало переносимым.

Они миновали высокую арку, выстроенную из рёбер доисторических тварей. За ней открылась равнина, усыпанная черепами обезьян. Миллионы пустых глазниц были обращены в одну точку над горизонтом, где в свинцовых облаках зияла неподвижная трещина.

— И что скрывается за этой архитектурой? — тихо спросил Странник.

— Любая абстракция, превращающая субъективное упование стаи в непререкаемый догмат, — Мудрец остановился. — Этот когнитивный контур выполняет утилитарную биологическую функцию — внутригрупповую консолидацию. Он позволяет популяции эффективно координировать действия и подавлять внутренние конфликты, направляя избыточную агрессию вовне, маскируя шкурные эволюционные задачи под видовую исключительность, ритуальное очищение или групповой мандат. Эта адаптивная программа веками передается из поколения в поколение через механизмы культурной селекции, масштабируясь со временем до жестких социальных институтов. Но в самом фундаменте любого собора лежит всего лишь

гиперчувствительный модуль обнаружения агентности (HADD) и перепуганный первобытный примат, отреагировавший на ложный сигнал в кустах.

II. О бритве, которая не спасает от жажды лиц

— Скажи мне без метафор, — потребовал Странник после затяжного молчания. — Бог есть в коде этой реальности? Или он окончательно мёртв?

Мудрец издал сухой, лающий звук. Его смех напоминал скрежет двух костей, перемалывающих гравий.

— Ты ищешь бритву, путник? Хороший, острый инструмент рационализма. Бритва Оккама формулирует это сухо: *«Не следует множить сущности сверх необходимости»*. Если раскат грома объясняется столкновением воздушных масс, зачем вставлять в формулу разгневанного небесного отца? Если лихорадка объясняется вирусом или дефектом иммунитета, зачем приплетать проклятие, карму или невидимого садиста, тестирующего твою духовную стойкость? Если вселенная расширяется по законам физики, зачем усаживать за её пределы бородастого распределителя морали с кодексом сельского старосты?

— Именно, — подтвердил Странник. — Это логично. Так... Зачем?

— Здесь твой неокортекс упирается в первый аппаратный тупик. Доказать несуществование бесконечно пластичной, вымышленной сущности математически невозможно. Любой пробел в твоих данных верующий тут же объявит окном в запредельное. Любую неопределенность знания — следом Творца, а хаос — деталью тайного плана. Это главный паразитический трюк метафизики: она не нуждается в верификации, потому что питается невозможностью окончательного опровержения.

Мудрец указал костлявым пальцем на песчаную отмель. Там, где волны крови лизали берег, стояли идолы — высокие, лишённые лиц фигуры с простёртыми к пустому небу руками. Одни были вытесаны из дерева, давно источенного гнилью; другие — из серого гранита; третьи отлиты из золота, потускневшего, как коронки покойника.

— Объективное доказательство лишило бы веру её ключевого оружия — защитного фантазирования. А фантазия необходима примату, потому что Корона — то, что ты гордо именуешь разумом, — никогда не искала истину. Она ищет минимизацию вычислительных расходов. Корона — самый прожорливый и энергоёмкий орган твоего скафандра. Она потребляет чудовищный объем глюкозы при ничтожной массе. Анализ, сомнение, проверка метаданных, удержание противоречивых гипотез — это дорого. Это прямой расход ресурса нервной системы. Эволюция не проектировала префронтальную кору для академического поиска объективной истины. Она создавала её как утилитарный инструмент выживания, доминирования и прогнозирования угроз в террариуме.

— Истина вторична?

— Выживание первично. Поэтому мозгу экономически выгоднее не разбираться в сложной причинно-следственной сети физики, а включить быстрый паттерн агентности: *«Там кто-то есть»*. Увидеть умысел. Услышать волю. Назначить безличному хаосу лицо.

Мудрец поднял с земли расколотый череп примата и силой прижал его к уху Странника.

— Слышишь?

— Ничего не слышу, кроме ветра.

— А Вид Обречённый слышит круглосуточно. Шорох в кустах — там притаился враг. Молния ударила в дерево — высший агент разгневался. Детеныш сторел от инфекции — особь проклята. Урожай уничтожен засухой — система требует кровавой жертвы. Так запускается древнейший контур сборки метафизики. Она рождается не из откровения философов, а из паники млекопитающего, которое предпочло увидеть невидимого хищника там, где был всего лишь слепой ветер.

III. О симуляторе, который видит лицо в каждой тени

Они углубились в Лес Шорохов. Стволы здешних деревьев состояли из сросшихся позвоночников; листья представляли собой тонкие костные пластины, уныло скрипевшие при малейшем движении воздушных масс. Каждый скрип трансформировался в шорох. Каждый шорох кодировался интерфейсом в угрозу. Каждая угроза требовала лица.

— Мозг примата, — Мудрец шёл впереди, не разбирая дороги, — это параноидальный симулятор, заточенный под избыточное распознавание паттернов. В когнитивистике этот баг описан как гиперчувствительный модуль обнаружения агентности (HADD). Для твоего предка цена ложноположительной ошибки была ничтожна. Если ты принял шорох листвы за леопарда, а там был всего лишь ветер — ты просто зря потратил каплю АТФ на прыжок в сторону. Неприятно для энергетического баланса, но терпимо.

— А если наоборот?

— Если ты совершил ложноотрицательную ошибку — принял реального леопарда за мирный ветер, — твоя генетическая линия пресекалась в ту же секунду. Эволюция не награждала серотонином тех, кто философски рассуждал о вероятностной природе шума. Выживали параноики, которые дёргались раньше, чем успевали включить неокортекс. В железо мозга вшита жесткая эвристика: лучше десять раз увидеть умысел там, где его нет, чем один раз пропустить агента там, где он есть.

Мудрец замолчал, давая Страннику впитать скрежет рёберных листьев.

— Так реальность заполняется призраками. Ветер становится дыханием духа, тень — предвестником катастрофы, сон — системным сообщением, а случайное совпадение — знаком судьбы. Примат физиологически не способен существовать в мире, где события просто происходят по законам термодинамики. Его пользовательский интерфейс требует действующего лица. Хаос безличен, а безличный хаос для лимбической системы невыносим. Поэтому его спешно очеловечивают. Надевают на него маску, наделяют голосом, характером, требованиями и карающим кнутом.

Странник резко остановился. Впереди, между двумя костяными стволами, явственно промелькнула серая тень. Ему показалось, что на него смотрят два близко посаженных глаза.

— Ты тоже, — Мудрец даже не обернулся, но его голос прозвучал как удар скальпеля. — Твой симулятор только что отрисовал лицо в текстурах. Не оправдывайся. Это не сбой твоей воли. Это работа железа.

— Но гром — это всего лишь физика атмосферных разрядов, — упрямо пробормотал Странник, пытаясь унять учатившийся пульс.

— Для твоего рафинированного ума сегодня — возможно. Для базовой прошивки твоего вида — это гнев вожака. Засуха — наказание за нелояльность. Болезнь — маркер нечистоты. Смерть — не распад биологической системы, а переход, суд, испытание или возвращение к Космическому Родителю. Сумма ложных паттернов, помноженная на животный страх перед неизвестным, кристаллизуется в фигуру Бога. Бог — это абсолютная, раздутая до космических масштабов проекция доминантной особи, призванная упорядочить слепую физику вакуума и превратить равнодушную бесконечность в понятную, пусть и жестокую, иерархическую структуру. Примату проще всю жизнь терпеть тирана, чем пустоту консоли. Тиран хотя бы смотрит на него.

Апофегма

В едином порыве вид обречённый сотворил вечность, движимый своей рабской натурой. В абсолюте обрёл зверь силу незримую. Однако насытившись, стал обречённый умнее — и присутствия зверя в себе перестал замечать.

IV. О первой кнопке, которой не существует

Лес оборвался у Круга Камней. В самом центре зияла яма, обложенная челюстями обезьян, вывернутыми зубами наружу. Вокруг неё в окаменевшей глине застыли глубокие следы босых ног — древний протокол согласия.

— Одного распознавания агента системе мало, — Мудрец подошёл к краю ямы. — Если в кустах сидит воля, с ней необходимо выстраивать транзакции. Её нужно умиловить, обмануть, задобрить, купить или заставить работать на благо своего существования. Так рождается суеверие.

— Суеверие — это бытовая глупость, — возразил Странник. — Деревенская привычка стучать по дереву или плевать через плечо. При чём тут метафизика?

— Суеверие — это первый графический интерфейс ложного контроля над хаосом. Первая жалкая попытка примата нажать кнопку там, где нет никакого пульта управления. Смотри на эти следы в глине. Мозг древней особи сталкивается со случайной последовательностью событий: *«Я сделал этот жест — после этого пошёл дождь. Я произнёс этот набор звуков — после этого враг в соседней пещере заболел. Я надел этот амулет — после этого выжил в драке. Я нарушил табу — после этого умер мой детеныш»*.

— Обычный статистический шум, — пожал плечами Странник.

— Префронтальная кора вместо спокойного признания вероятностной природы мира совершает подмену кода: *«после этого»* в интерфейсе переписывается как *«из-за этого»*. Случайное совпадение объявляется причинностью. Причинность возводится в статус правила. Правило становится жестким запретом. Запрет кристаллизуется в традицию. Традиция институционализируется в религию. Вот тебе реальный эмбрион метафизики: не сияющее откровение с небес, а испуганный мозг, который не выдержал вероятностного хаоса и начал насильно сшивать реальность нитками ложной причинности.

Мудрец медленно обошёл яму.

— Если после ритуальной пляски пришёл дождь — пляску необходимо продублировать. Если после принесения жертвы болезнь отступила — жертву необходимо поставить на конвейер. Если после молитвы фоновая тревога снизилась — молитву нужно повторять круглосуточно. И системе плевать, что дождь пошёл бы сам, болезнь прошла бы в силу естественных причин, а тревога ослабла просто потому, что нервная система физически не способна бесконечно удерживать пик возбуждения. Для интерфейса это не имеет значения. Он получил химическое облегчение и зафиксировал лог: *ритуал работает*. Так запускается первая форма рабства. Примат ещё не построил первый храм, но уже стоит на коленях перед собственной когнитивной ошибкой.

V. О петле, наряженной в святость

К закату тропа вывела их к Собору Повторения — колоссальной руине без крыши, где колонны были выстроены из многовековых слоев бедренных костей, а вместо витражей использовались грудные клетки, сквозь которые пробивался багровый свет заходящего солнца. Внутри, в полукруге алтаря, сидели безликие фигуры. Они синхронно совершали одно и то же монотонное движение: рука к груди — рука к небу — рука к груди — рука к небу. Бесконечно. Без ускорения. Без признаков мышечной усталости.

— Ритуал, — негромко произнёс Мудрец, — это суеверие, поставленное на промышленный конвейер. Он не обязан решать реальную проблему внешнего мира, его единственная функция — снижать уровень кортизола в синапсах. И в этом его абсолютная эффективность. Тревожный мозг не спрашивает, истинна ли связь между жестом и результатом. Он задает другой вопрос: *стало ли мне легче после выполнения алгоритма?* Если ответ утвердительный — действие намертво закрепляется в поведении. Если лимбическая система получила облегчение хотя бы на несколько секунд, петля уже получила питание.

— Ритуал работает не с объективной реальностью, а с состоянием твоих нейромедиаторов. Он не двигает тектонические плиты мира, а просто гладит испуганное животное по черепу. Молитва перед боем не останавливает копье, летящее в грудь, но она снижает ужас перед неизбежным отключением сознания. Амулет на шее не отклоняет стрелу конкурента, но дарует иллюзию защищенности. Жертвоприношение не регулирует климатические циклы, но возвращает стае ощущение, что она контролирует ситуацию. Табу на «нечистую» пищу не объясняет микробиологию, но создаёт понятную карту безопасного загона.

— Кнопка, не подключенная к пульту, — сформулировал Странник.

— Именно. Ошибка выжившего, возведенная в ранг абсолюта. Религия исторически никогда не уничтожала суеверия — она их возглавляла и институционализировала. Сырой, панический страх примата получал легитимную форму обряда. Табу переписывалось в заповедь, локальный дух кустов превращался в святого покровителя, случайная привычка обростала догматом. Жрец, шаман или пророк становился монопольным администратором тревожной петли. Стая добровольно отдавала ему ресурсы за одну простую услугу: он нажимал за неё несуществующие кнопки на консоли и уверял, что система приняла команду.

Фигуры в соборе не повернули голов на звук шагов. Их руки продолжали чертить в воздухе один и тот же маршрут: грудь — небо — грудь — небо.

— Инструмент выживания, — резюмировал Мудрец, — со временем обратился в кумулятивный яд популяции.

VI. О круге, который сжимается до одного черепа

Ночь на Земле Обречённых не приносила темноты. Пространство заливал иной свет — зеленоватое, фосфорическое свечение костей, напоминающее больничный коридор. Они расположились у Колодца Проверок, разведя огонь из сухих связок сухожилий, которые горели ровным, бездымным пламенем.

— Существует круг, — Мудрец смотрел на огонь, — который имеет свойство сжиматься до тех пор, пока не начнет резать саму ткань психики особи. В обычном суеверии примат стучит по дереву или плюёт через плечо. Ритуал краток, социально одобряем и чаще всего не разрушает биологическую эффективность. Но в патологической версии этот же контур разгоняется до клинической плотности. Мысль больше не является мыслью — она кодируется как прямая угроза. Случайность становится фатальным знаком. Действие превращается в магическую страховку от конца света.

Странник пошевелился. Ему стало не по себе от ровного тона Мудреца — в горле встал сухой комок узнавания.

— Если я не проверю замок на двери ровно десять раз — случится катастрофа, — тихо, почти беззвучно произнёс он.

Мудрец даже не поднял глаз.

— Если я не повторю священную фразу без единой запинки — умрёт близкий юнит. Если я наступлю на трещину в плите — мир сдвинется в сторону ужаса. Если я не очищу кожу рук до кровавых ссадин — заражение уже внутри. Префронтальная кора в этот момент может прекрасно понимать абсурд происходящего. Корона видит, что между жестом и гипотетической бедой нет логического моста. Но Зверь внутри уже держит нож у горла лимбической системы. Он требует действия, требует ритуала, требует немедленного химического снижения уровня паники.

— И когда ритуал выполнен, тревога действительно падает, — закончил мысль Странник.

— Именно в этом спаде и захлопывается капкан. Мозг делает чудовищно неверный вывод: «Сработало. Ритуал предотвратил беду». Хотя катастрофа не произошла просто потому, что её и не было в причинно-следственной цепочке. Но интерфейс фиксирует не

истину — он запоминает химический сброс ужаса. Петля замыкается: ритуал кормит тревогу, тревога требует ритуала.

Мудрец заглянул в глубину колодца. Оттуда доносился мерный, монотонный стук капель — будто системный таймер отсчитывал время до фатального сбоя.

— В организованной религии этот же самый механизм получает коллективную легитимацию. Один человек, моющий руки до крови в пустой комнате, вызывает у сородичей панику и маркируется как больной. Миллионы людей, синхронно повторяющие одинаковые ритуальные жесты ради защиты от невидимой кары под музыку и запах ладана, вызывают уважение и получают налоговые льготы от макросистемы. Разница не в нейробиологической механике. Разница исключительно в масштабе и социальном одобрении стаи.

VII. О храме без стен, который каждый носит в черепе

Утром они пересекли Равнину Главных Героев. Из бесплодной земли здесь торчали серые каменные плиты, на каждой из которых были высечены автобиографические эпитафии: *«Я особенный», «Меня просто не поняли», «Однажды они все пожалеют», «Моя личная боль сделала меня глубже», «Я не такое серое стадо, как они», «Мне просто не дали раскрыть потенциал», «Мои обидчики обязательно ответят за всё».*

— Было бы наивно полагать, — Мудрец шёл мимо плит, едва задевая их лапами одеяния, — будто вера локализована исключительно в храмах, амулетах или клинических петлях. Это высшего примата устроено куда пластичнее. Оно способно воздвигнуть алтарь и запустить ритуалы в абсолютно автономной, изолированной черепной коробке — без икон, жрецов и теологических фолиантов. Это процесс защитного фантазирования — персональная, карманная религия без внешних стен.

— Я встречал таких людей, — заметил Странник. — Они искренне презируют церковь, высмеивают гороскопы и гордо называют себя циниками, материалистами и скептиками.

— И при этом каждую секунду своей жизни обслуживают десятки микромифов о самих себе. Уязвлённое эго моментально занимает вакантное место Бога в интерфейсе. Абстрактная будущая компенсация за перенесенные унижения заменяет концепт рая, а сладкие фантазии о наказании или обнищании обидчиков выступают в роли ада. Роль священного писания здесь выполняет автобиографический бред — внутренний нарратив, который мозг непрерывно редактирует, подчищает и переписывает в пользу главного персонажа.

— С какой целью?

— Стабилизация интерфейса, путник. Млекопитающему биологически невыносимо признать полную случайность и бессмысленность своего унижения. Ему панически страшно осознать, что его личная боль никого в этой вселенной не сделала мудрее, а очередной жизненный провал — это не драматический пролог к великому возвращению, а просто провал. Одиночество не доказывает глубинную уникальность особи, ненависть к стае не возвышает над ней, а интеллект не освобождает от животных алгоритмов, управляющих всеми остальными мясными мешками.

Мудрец остановился у плиты, покрытой мхом, где читалась надпись: *«Мир оказался не готов к моей сложности».*

— Поэтому эго генерирует персональный миф. Банальный проигрыш перекодируется в «прохождение сурового испытания». Если особь бросили — мозг утешает формулировкой «они просто испугались масштаба моей личности». Неоцененность стадом объясняется тем, что «мир ещё не созрел для таких людей». Защитное фантазирования превращает хаотичную, унижительную животную жизнь в упорядоченный сюжет. А сюжет — это тяжелый дофаминовый мёд для Зверя. В сюжете появляется завязка, кульминация, враги и грядущий триумфальный реванш. Появляется Главный Герой, вокруг которого якобы вращается ось мироздания.

— Но ведь ось не вращается вокруг нас, — Странник опустил голову. В его голосе впервые отчетливо проступили ноты экзистенциальной усталости.

— Консоль реальности выдает лаконичный лог: *никакого главного героя в системе нет*. Есть лишь биологический организм, судорожно защищающий свою самооценку от неизбежного распада.

VIII. О адвокате, нанятом оправдать зверя

Полдень застал их у Моста Аргументов — узкого, лишенного перил перекида через глубокую расщелину. Из бездны под мостом доносился ровный, гулкий шум: там тек миллионотонный поток слов — бесконечный синтаксический сироп, в котором можно было мгновенно утонуть, если попытаться вчитаться в обрывки фраз.

— Самый комичный подвид этой когнитивной ловушки, — Мудрец ступил на качающийся мост, — это фанатичная вера примата в собственную рациональность. Обезьяна искренне полагает, будто сначала она беспристрастно собирает факты, затем анализирует их без эмоций и лишь на основе этого выносит вердикт. В реальности система работает строго наоборот: лимбическое ядро мгновенно генерирует импульс — животное желание, страх, отвращение или обиду, а префронтальная кора задним числом подбивает под этот эмоциональный выплеск красивую, логичную аргументацию.

— Интеллект мыслит не самостоятельно?

— Интеллект мыслит как адвокат, нанятый обслуживать уже возникший животный импульс Зверя. Животное желание объявляется в интерфейсе «высшей гуманистической ценностью». Животный страх наряжается в «незыблемый экзистенциальный принцип». Банальная зависть маскируется под «требование справедливого возмещения». Мечь выдается за «восстановление нарушенного баланса». Трусливое подчинение стае называется «осознанным моральным выбором». А шкурный биологический интерес оформляется в «цельное, глубокое мировоззрение».

Странник всматривался в поток слов под ногами. Там всплывали куски фраз: *«это очевидно любому мыслящему существу»*, *«научно доказано»*, *«это логично»*, *«так устроена сама реальность»*.

— Именно поэтому, — продолжил Мудрец, — даже самый убеждённый материалист легко выстраивает персональную микрорелигию из научных терминов, психологических диагнозов, политических лозунгов и личных обид. Вместо архаичного «Бог так хочет» его интерфейс выдает новые маркеры безопасности: «это научно», «это очевидно». Смена декораций не меняет механики. Раньше примат прятал животный страх за священным текстом, теперь он прячет его за уверенным, бескомпромиссным тоном. И пока эго нуждается в защите, оно будет генерировать смыслы так же естественно и непрерывно, как печень производит желчь.

IX. О словах, которым поклоняются, забыв, что их придумали приматы

За мостом начинался лабиринт Города Пустых Имён. Стены здесь были выстроены из серого туфа, и на каждой из них были глубоко выгравированы существительные, лишённые физического предмета в реальности: *Бытие. Дух. Первопричина. Высшая воля. Абсолют. Ничто. Тьма. Смысл. Справедливость*.

— Чтобы сырой страх примата стал полноценной метафизикой, одного ритуала мало. Нужен язык, — Мудрец провел ладонью по высеченному слову «Бытие». — Именно язык превращает внутренний шум нервной системы в архитектуру мира. Наш понятийный аппарат развился для оперирования осязаемыми объектами среды: камень, ветка, хищник, кровь, огонь, пища. Это была прагматичная система маркировки реальности ради выживания туши. Но как только Корона научилась генерировать абстракции высшего порядка, эго совершило роковую подмену. Оно опредметило пустоту.

— Как можно опредметить то, чего нет?

— Произошла ошибка реификации: примат принял абстрактную модель за реальную вещь. Карту — за местность. Имя — за сущность. Грамматическую дырку в синтаксисе — за окно в запредельное. Мозг попался в ловушку «негативного пространства»: если язык способен создать существительное для обозначения отсутствия чего-либо (например, «ничто» или «тьма»), префронтальная кора автоматически начинает искать мистического владельца этого отсутствия. Метафизика — это не постижение высших сфер. Это запущенная форма лингвистического галлюциноза, при которой обезьяна сначала придумывает слово для обозначения собственного страха, а потом начинает истово молиться этому слову.

Мудрец надавил пальцем на гравировку слова «Абсолют». Камень под его рукой мгновенно осыпался сухим, серым мелом.

— Каждая такая переменная звучит величественно и грозно, пока ты не вскрываешь её скальпелем и не обнаруживаешь внутри пустоту, обмотанную синтаксисом. Тысячелетние теологические и философские споры — это лишь грызня приматов за то, чья лингвистическая переменная «Х» звучит более внушительно. Одни наряжают её в пустынные откровения, другие — в храмовую философию, третьи — в восточную туманность, четвертые — в академический жаргон. Но за пределами черепной коробки примата никакого «Х» не обнаруживается. Есть материя. Есть энергия. Есть физические процессы. И есть животный страх, плотно обмазанный словами.

Х. О короне, которая поверила, что она — не обезьяна

На центральной площади Города высился Постамент Исключительности. Он был абсолютно пуст, но его окружала плотная толпа безликих фигур, которые не переставали ритуально восхищаться невидимым объектом на его вершине.

— Но не забывайся, путник, — Мудрец схватил Странника за плечо, заставив обернуться к толпе. — Ты всё ещё остаешься самодовольной обезьяной. Твой вид использовал интеллект не для объективного познания мира, а для банального доминирования в стае, адаптации и удовлетворения шкурных биологических интересов. Разум не был дарован тебе как священный факел истины. Он вырос как когнитивный коготь. Как улучшенный клык. Как способ лучше предсказывать ходы конкурентов, манипулировать сородичами, объединяться в эффективные банды, обманывать и выживать.

— Но я чувствую в себе способность подняться над этим, — тихо возразил Странник. — Способность мыслить бескорыстно.

— Ты — всего лишь Корона, префронтальная кора, которая наивно поверила в собственную космическую исключительность. Особь, для которой лишние затраты ресурсов на поиск реальной истины часто выглядят экономически неперспективно. Зачем искать истину, если можно найти удобную историю? Зачем смотреть в пустоту вакуума, если можно нарисовать на ней лицо Родителя? Зачем признавать безличный хаос, если можно назвать его Великим Планом?

Они двинулись через площадь. Безликие фигуры послушно расступались перед ними — точнее, перед той ледяной пустотой, которую излучал взгляд Мудреца.

— Именно поэтому знаменитая фраза «Бог умер» куда менее грандиозна, чем её любят подавать в учебниках, — продолжал он. — Ницше не убивал Бога. Он лишь зафиксировал культурный некроз старой метафизической прошивки. Религиозные сущности начали обрабатываться в ментальные атавизмы не потому, что примат внезапно прозрел и стал благородным искателем истины. Среда изменилась. Пар, конвейер, санитария, медицина, промышленность, государственная бюрократия, массовое образование и научный метод постепенно вытеснили старые объяснительные монополии.

Мудрец иронично сощурился:

— Когда у тебя нет антибиотиков, громоотвода и эпидемиологии, демон в постели больного выглядит вполне убедительно. Когда у тебя есть лаборатория, статистика и микроскоп, демон начинает казаться не глубокой метафизической истиной, а следствием плохой гигиены и слабой научной методологии. Старый Бог слабел не под ударами чистого разума, а под давлением новой инфраструктуры. Он проигрывал не философам, а канализации, вакцинам, электричеству, артиллерии, бухгалтерии и промышленному производству. Ницше просто услышал хруст костей старой системы и сделал из этого красивую эпитафию, напивав свою личную истерию.

— И что произошло, когда место освободилось?

— Это не терпит экзистенциальной пустоты. Едва один небесный надсмотрщик был похоронен, префронтальная кора немедленно начала искать ему замену. Так из обломков Бога появились новые светские идола: История, Нация, Прогресс, Рынок, Класс, Человечество, Личность, Самореализация. Обезьяна не освободилась от рабства. Она просто сменила ошейник.

XI. О наркозе, без которого вид ломается

К вечеру они вышли к Берегу Отключения. Здесь море крови было абсолютно неподвижным, превратившись в гигантское зеркало, в которое было жутко смотреться. На мертвой глади плавали миллионы свечей без огня — каждая из них символизировала концепт бессмертия, которого никто никогда не видел в реальности, но который все истово пытались купить.

— Здесь мы подходим к главной, резервной линии обороны, которую метафизика выстраивает вокруг испуганного эго, — Мудрец присел на корточки у воды. — Вера в Бога или высший смысл — это не просто досадное когнитивное недоразумение. Это экзистенциальный наркоз, без которого этот конкретный вид животных слишком часто ломался бы под весом собственного абстрактного мышления.

— От чего именно его защищает этот наркоз?

— От знания собственного неизбежного конца. Развитие воображения позволило примату заглянуть дальше ближайшего охотничьего сезона. Он научился строить планы на десятилетия, помнить мёртвых, моделировать будущее и представлять то, чего ещё нет. Это дало ему колоссальное эволюционное преимущество перед другими видами. Но вместе с преимуществом пришла системная авария кода. В конце любого достаточно длинного прогноза примат ясно увидел собственное гниение. Физическое уничтожение.

Голос Мудреца стал тихим, как шуршание песка:

— Тело перестанет слушаться, зубы сгниют, кожа обвиснет, мышцы исчезнут, память начнет сбоить синаптическими дырами. Любимые лица умрут. Потом умрешь ты. И никакого драматического финала не будет. Никакого высшего суда, никакой сцены, никакого последнего смысла. Просто полное отключение питания системы.

Странник судорожно сжал кулаки, чувствуя, как внутри поднимается холодная волна лимбической паники.

— Для выживательного интерфейса это критическая ошибка, способная заблокировать выработку дофамина. Осознание того, что твоё «Я», твоя уникальная, пострадавшая личность, все твои обиды, победы, мечты, унижения и духовные поиски являются лишь временной химической реакцией, которая гарантированно прекратится, способно полностью парализовать волю особи. Сломать её мотивацию к доминированию. Вогнать лимбическую систему в ступор. Чтобы интерфейс не рухнул, эго изобретает самый дорогой и липкий концепт — бессмертие. Формы могут быть изящнее райского сада: душа, перерождение, растворение в Абсолюте, память потомков, вклад в историю, информационный след, духовное продолжение. Суть одна: эго требует стопроцентную гарантию, что оно не исчезнет окончательно.

Мудрец поднял со дна одну из погасших свечей:

— Причем для него даже концепт ада зачастую психологически переносимее полного небытия. Ад — это всё ещё признание твоей космической значимости. Если тебя пытается лично демон по прямому приказу Высшей Инстанции, значит, ты — важная фигура в симуляции. Ты включен в глобальный сюжет, вокруг тебя существует моральная драматургия, твоя личная боль кому-то нужна в космосе. Полное небытие страшнее. Потому что оно не спорит, не карает, не награждает, не объясняет и не помнит. Оно просто беззвучно стирает данные.

Он швырнул свечу обратно в вязкую кровь.

— Метафизика — это наглая попытка заставить холодную, механическую вселенную вращаться вокруг шкурных интересов млекопитающего, которое панически боится остаться в темноте без присмотра Космического Родителя. Избавление от этой иллюзии — это ампутация метафизического костыля, после которой мясо должно научиться стоять на собственных костях, глядя прямо в пустоту консоли. И большинство особей этого не выдерживает. Именно поэтому они всегда возвращаются к Богу, к судьбе, к карме, к энергии рода, к знакам вселенной, к манифестации — к любому ментальному мусору, лишь бы не признавать безличный хаос и абсурд.

XII. О новом загоне без стен

Глубокая ночь застала их у подножия Башни Мерцающих Экранов. Это колоссальное сооружение из костей и темного стекла уходило вершиной в треснувшее небо. На каждой его грани непрерывно двигались лица, бежали сухие цифры рейтингов, мелькали знаки одобрения, транслировался чужой страх и капал дешевый дофаминовый мёд. Новые пастухи муравейника не носили бород и не требовали поклонения на коленях.

— Вот тебе финальный лог первой дороги, путник, — Мудрец сел на холодную костяную крошку, опершись спиной о мерцающее стекло. — Учитывая всё вышесказанное, закономерный вывод выглядит крайне неутешительно. Любая вера и все опирающиеся на неё «абсолютные истины» — это лишь продукт напуганного, эволюционно ограниченного зверька. Всё, чего он хочет на глубинном уровне — это сытость, безопасность, принадлежность к стае, иерархический статус, репродуктивный доступ и снижение фоновой тревоги. В системном смысле это генетически обусловленное рабство твоих нейромедиаторов.

— Но ведь современное человечество изменилось! — Странник указал на мерцающую башню. — Мы больше не падаем ниц перед каждым громом, мы смеемся над деревянными идолами и презираем шаманов. Мы читаем научпоп, пользуемся нейросетями, спорим о квантовой космологии и гордо объявляем себя свободными от древнего мракобесия!

— Интерфейс изменился, путник. Но исходный код остался прежним. Старый Бог умер не потому, что примат стал свободен. Просто место небесного надсмотрщика заняли более точные, технологичные системы управления сознанием. Раньше раб дрожал перед невидимым судьей на облаке, упорядочивая хаос своей жизни громоздким сводом заповедей. Сегодня, избавившись от старого пастуха, он послушно делегировал право управления своим вниманием алгоритмам социальных сетей, политическим психозам стада, корпоративным культам, терапевтическим мантрам, бесконечной гонке за социальным одобрением и персонализированным лентам дешевого дофаминового мёда.

Мудрец поднял глаза на мерцающие экраны, отражавшиеся в его пустых глазницах:

— Обезьяна не умеет жить без поводка. Без внешнего структурирования её консоль выдает системную ошибку экзистенциального вакуума. Поэтому, убрав из уравнения Творца, стадо не обрело свободу. Оно лишь перепрошило свой интерфейс, сделав рабство более эргономичным, незаметным и тотальным. Фактический лог первой тропы прост. Шесть строк. Запомни их не как догму, а как системную карту механики, которую ты только что вскрыл:

— **Увидеть агента там, где его нет.**

— **Придумать причинную связь там, где есть лишь случайность.**

- **Нажать ритуальную кнопку там, где нет никакого пульта.**
- **Получить временное химическое облегчение.**
- **Назвать это облегчение объективной истиной.**
- **Передать инфекцию нарратива дальше по цепочке поколений.**

— Так рождается метафизика, — закончил Мудрец. — Из испуганного, уязвимого мяса, которое оказалось не способно вынести гробового, механического молчания реальности.

Странник долго молчал, слушая, как в Лесу Шорохов за их спинами скрипят рёберные листья. Он уже не знал, был ли этот звук просто движением воздушных масс или за ними действительно кто-то наблюдал из темноты. Разница между этими сущностями стерлась в его интерфейсе навсегда.

— Завтра, — Мудрец закрыл пустые глазницы, уходя в режим энергосбережения, — мы сдерём лак со следующей декорации. Мы пойдем туда, где небесный надсмотрщик сменил скин, но сохранил ошейник. Туда, где стая молится Коллективу, а Совесть, Мораль и Закон оказываются первобытной дубиной, упакованной в юридический протокол. А сегодня — спи, если твоя Корона позволит тебе уснуть. Зверь всё равно будет караулить шорох. А префронтальная кора — продолжит крутить тебе сны с вымышленными лицами.

Апофегма

Так рождается метафизика: не из сияющего света, спустившегося с небес, а из животного страха, которому дали имя, и из паллиативного облегчения, которое по глупости назвали истиной.

Конец первой главы.

Глава вторая

О стае, которая сменила небо на зеркало

Утро после первой дороги было серым и сухим, как зубная пыль. Странник очнулся у Костяного костра, который принципиально не давал тепла — он лишь фосфоресцировал ровным, больничным зеленоватым светом, напоминая соматическому носителю, что в этом пространстве огонь является ледяной метафорой, а не инструментом утешения.

Мудрец уже стоял на ногах. За его неподвижной спиной до самого горизонта простиралась Равнина Одобрения — бесконечное плато, где из растрескавшейся почвы торчали серые столбы, лишённые информационных табличек. На вершине каждого столба покоилось вырезанное из кости человеческое лицо. Все они, сонные и одинаковые, неотрывно всматривались в одну и ту же мертвую точку над головой — туда, где когда-то интерфейс примата рисовал купола небес.

— Вчера мы вскрыли шорох в кустах, — произнес Мудрец, не оборачиваясь к Страннику. — Сегодня наша задача — декомпилировать то, что произошло со стаей, когда она окончательно похоронила небесного надсмотрщика и водрузила на освободившееся место гигантское социальное зеркало.

— Зеркало? — Странник поднялся, отряхивая плащ от осевшей за ночь костной крошки.

— Коллектив. Общество. Одобрение сородичей. Мораль. Совесть. Государственный закон. Воля народа. Всё то, чем испуганное Эго заменило усопшего Бога, — Мудрец повернул свое лицо из старой слоновой кости. — Скин интерфейса обновился, путник. Но структура поводка осталась нетронутой.

1. О второй линии обороны

Они продвигались вдоль Аллеи Кодексов — широкой магистрали, вымощенной тяжелыми гранитными плитами. На каждой из них были глубоко высечены знаки: *Долг. Честь. Достоинство. Совесть. Справедливость. Человечность*. Ни одна плита не содержала объективного определения этих терминов. И каждая весила больше, чем надгробие.

— Отрезав мнимого Бога бритвой рационализма, — заговорил Мудрец, мерно шагая по высеченным буквам, — уязвленное Эго высшего примата вовсе не обрело суверенную свободу. Оно лишь совершило тактическое отступление на заранее подготовленные рубежи. Если космический вакуум оказался пустым, холодным и безразличным процессом, значит, системе жизненно необходимо превратить в абсолют сам загон, в котором заперто стадо.

— То есть человечество просто выстроило новый собор поверх старого фундамента?

— Оно запустило секулярную религию социума. Священный культ человеческих ценностей, удерживаемый триадой Морали, Совесть и Справедливости. Небесный пастух снят с баланса, но аппаратная часть мозга физиологически не способна функционировать без фигуры внешнего контроля. Место Бога занял Коллектив. Грех на языке нового интерфейса был перекодирован в «асоциальность» и «девиацию». Бессмертная душа объявилась «уникальной личностью». А древние заповеди заменились репутационными протоколами, кодексами приличий и регулярными коллективными истериками стада.

Странник мимоходом коснулся ладонью плиты со словом «*Человечность*». Камень под пальцами неожиданно оказался теплым, симулируя температуру живого тела.

— А как же концепт ада? — спросил он. — Стая отказалась от подземных мук?

— Его просто спустили на землю и доверили административному аппарату, — Мудрец иронично сузил пустые глазницы. — Юридическая изоляция туши. Изгнание за периметр пастбища. Публичная травля в мегафоны. Пожизненное клеймо социальной смерти и лишение доступа к ресурсам. Вид Обречённый никогда не выходил из лона религиозного мышления. Он

лишь перенес сакральный нимб с пустых эмпиреев на плотную, дышащую массу сородичей. Теперь примат молится общественному одобрению. Он больше не трепещет перед вымышленными чертями, но впадает в панический кортизоловый ужас от перспективы потерять социальный статус, работу, круг рукопожатных связей и репутационный маркер «своего».

Мудрец остановился на развилке, где одна тропа круто уходила вверх, к монументальному Храму Народа, а вторая спускалась к шумящему Рынку Статуса.

— Я видел множество скептиков, — тихо произнес Странник. — Они искренне высмеивают деревянных идолов и храмовые обряды.

— Их хваленая автономия мгновенно рассыпается в прах, стоит стае демонстративно отвернуться от их аватара, — отрезал Мудрец. — Интерфейс «независимого мыслителя» не способен пережить холодного плеча популяции. Без зеркала сородичей примат блекнет и теряет текстуры.

II. О кёнигсбергском затворнике, который построил алтарь из долга

К полудню они вошли в Библиотеку Двух Удивлений. Это было монументальное здание, ребра которого служили стенами. На бесчисленных полках здесь покоились не бумажные фолианты, а черепа высших приматов с вырезанными на теменных костях цитатами. На центральном постаменте возвышался стул, собранный из деформированных позвонков, на который была небрежно наброшена пустая судейская мантия.

— Здесь когда-то оперировал Иммануил Кант, — Мудрец подошел к постаменту. — Главный архитектор второй линии обороны социума. Пожалуй, самый системный и одновременно самый испуганный ум в истории своего вида.

— Но ведь именно он препарировал традиционную метафизику?

— Безусловно. Его префронтальная кора провела ледяную, блестящую операцию: в «Критике чистого разума» он разнес в щепки все классические доказательства бытия Бога. Корона выдала честный, стерильный результат: пастырь в космосе не обнаружен. Небо абсолютно пустое. Но стоило лимбической системе Канта осознать, в какую бездну объективной реальности он только что заглянул, как Зверь внутри него забился в экзистенциальной истерике. Обезьяна панически испугалась темноты.

Странник всматривался в пустую мантию, которая казалась живым объемом.

— И какой патч выдало его эго?

— Под руководством деморализованного ужасом разума Кант спешно собрал новый алтарь прямо внутри черепной коробки субъекта, назвав его «категорическим императивом». Послушай, как виртуозно Эго эксплуатирует интеллект ради сохранения картины мира, — Мудрец процитировал, не снимая черепа с полки: — *«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением: звёздное небо над головой и моральный закон во мне»*.

— Это звучит величественно, — заметил Странник.

— Это шедевр системного маскировочного софта. «Звёздное небо» — это хаотичный, безразличный, механистический космос, физическая реальность, которой на твое существование абсолютно плевать. И чтобы не сойти с ума от этого понимания, Корона тут же выставляет перед собой щит: «моральный закон во мне». Кант возвел эволюционные алгоритмы внутригрупповой дрессировки, кооперации и взаимного альтруизма в ранг космического абсолюта. Но поскольку в реальном мире никакой справедливости нет, а хищники прекрасно процветают за счет слабых, Кант был вынужден контрабандой вернуть Бога и бессмертие души, постулировав их как «практическую необходимость».

Мудрец бережно снял с полки потемневший череп, на котором было глубоко вырезано слово «ДОЛГ».

— Он не нашел Бога в объективной реальности. Он пересобрал его заново в качестве морального костыля. Это чистой воды интеллектуальная капитуляция: Корона сначала взяла

мывает замок симуляции, а затем, испугавшись открывшейся стерильности вакуума, добровольно заковывает свой соматический носитель в новые, более изощренные кандалы долга и нравственности. Даже развитый интеллект, если он не способен вынести собственную пустоту, будет достраивать зараженные декорации смысла поверх зияющей консоли.

Апофегма

Сняв Бога с пустых небес, вид обречённый вовсе не обрел свободу — он водрузил на его место массу сородичей, натянул на Зверя намордник и гордо нарек это человечностью.

III. О клее, который называли святыней

За библиотекой открывалось шумное, хаотичное пространство Рынка Морали. Воздух здесь был пропитан смрадом застарелого страха и приторного самодовольства. Торговцы в лохмотьях наперебой кричали в мегафоны: *«Если Бога нет, то всё дозволено?!»* — и тут же бойко продавали готовый системный ответ: *«Нет! Мы добры по своей природе!»*

— Перед нами лучший маркер интеллектуальной нищеты самого обывательского вопроса, — Мудрец пробирался сквозь толпу зазывал. — Примату панически кажется, будто без надсмотрщика на облаке он в ту же секунду потеряет управление и примется хаотично рвать глотки сородичам за кусок падали. Обезьяна наивно полагает, что её высокая доброта — это результат духовного выбора, высшего прозрения или триумфа культуры.

— А разве это не победа человеческого духа над животным началом?

— Чудовищная, эгоцентричная чушь. Твоя высокая мораль — это древний эволюционный софт, намертво вшитый в аппаратную часть мозга ради одной утилитарной цели: снижения энергетических затрат на внутригрупповое истребление. Популяция приматов, состоящая исключительно из абсолютных эгоистов, непрерывно уничтожающих друг друга, моментально проигрывает конкурентную гонку за территорию соседней стае, особи которой научились временно подавлять личную агрессию ради совместной охоты и защиты потомства.

Мудрец остановился у двух железных вольеров. В одном сидел испуганный детеныш с маркером «Свой», в другом — точно такой же ребенок, но с клеймом «Чужой».

— Мораль — это не святыня. Это прагматичный, циничный, лишенный метафизической глубины клей. Системе необходимо, чтобы приматы внутри загона не резали друг друга слишком часто и беспорядочно — это снижает общую производительность муравейника. Но этот софт мгновенно меняет настройки, как только маркер «свой» заменяется в интерфейсе на маркер «чужой». Тот же самый человек, который секунду назад рыдал над страданием ребенка из своей группы, способен абсолютно спокойно оправдать или проигнорировать смерть тысяч чужих детей, если стая объяснила его Короне, что они принадлежат неправильному племени, нации или политическому лагерю.

Мудрец указал на весы за спинами торговцев:

— Своя жестокость кодируется как «суровая необходимость». Чужая жестокость — как «абсолютное зло». Своя ложь — это «стратегия спасения». Чужая ложь — «подлость и коварство». Свой грабеж — «восстановление справедливости». Чужой грабеж — «преступление». Свое насилие — «тяжелое, но вынужденное решение альфа». Чужое насилие — «дикое варварство». Вот тебе подлинная функция морали: она никогда не искала объективности. Она обслуживает идентичность особи. Мораль — это адвокат своей стаи, а не беспристрастный судья вселенной. Запрет на убийство своих существует лишь потому, что внутреннее насилие разрушает экономику загона. Но стоит назвать кого-то за периметром чужим или нечистым — и софт морали стремительно отключает блокировки. Внутри загона он гладит Зверя по шерсти, снаружи — рвет конкурентов на части.

IV. О цербере, который живёт в черепе

К исходу дня они спустились к Колодцу Совести. Из его глубокого, выложенного позвонками жерла доносился непрерывный, многоголосый шёпот, напоминающий одновременно интонации матери, предостережения школьного учителя и гул разгневанной толпы.

— Что млекопитающее привыкло называть тихим, праведным голосом совести? — Мудрец заглянул в темноту ямы. — Теологи веками наряжали этот феномен в белые одежды божественного присутствия. В действительности этот голос имеет строго земную, животную анатомию. Это встроенный нейробиологический кнут. Система внутреннего принуждения, откалиброванная древнейшим страхом изгнания из стаи.

— Изгнание из группы действительно было так страшно?

— Для нашего предка в эпоху плейстоцена остракизм являлся прямым смертным приговором, — Мудрец повернулся к Страннику. — Одинокая обезьяна в саванне — это не суверенная личность, а быстрая калорийная добыча для крупных хищников. Физическое выживание соматического носителя было жестко сцеплено с принадлежностью к группе. Мозг зафиксировал этот ужас на аппаратном уровне, превратив страх неодобрения стаи в главный регулятор поведения особи.

— Какова механика этого кнута?

— Совесть — это интернализированный контроль популяции над твоим поведением. Призрак вожака и коллективного осуждения, подселенный прямо в твою кору. Он бьет лимбическую систему током острой тревоги каждый раз, когда твои интенции отклоняются от программного кода группы.

Странник наклонился над колодцем. В мерцающей глубине ему почудились лица людей, которых он когда-то подвел. Все они смотрели вверх с немим укором.

— Значит, когда я мучаюсь раскаянием, я оплакиваю свой грех?

— Ты реагируешь не на абстрактный «грех», путник. Твой мозг реагирует на гипотетическую угрозу изоляции от ресурсов. Запускается мощная кортизоловая атака, стремительно падает уровень серотонина, тело входит в режим выживания при опасности. Твои муки совести — это обычный химический сброс тревоги. Паническая реакция социального животного, которому показалось, что его прямо сейчас выставят за периметр теплого пастбища. Этот ошейник стая надевает на особь в раннем детстве, пока нейронные сети ещё пластичны. Учитель, родитель, сосед, государство, медиа — все вместе они выстраивают внутри твоей головы изолированный трибунал. Потом внешний надзор можно ослабить. Программа инсталлирована. Особь прекрасно сторожит себя сама, работая личным надсмотрщиком в собственном черепном концлагере.

V. О глазе стаи, встроенном в кору

Ночью они миновали Зал Зеркал — странную анфиладу комнат, лишенных внешних стен. Каждая зеркальная поверхность здесь отражала не физическое тело Странника, а круглосуточную социальную оценку: *достаточно ли ты силен? Соответствуешь ли рангу? Успешен ли на рынке ресурсов? Прилично ли упакован твой аватар перед сородичами?*

— Если совесть — это внутренний цербер системы, — произнес Мудрец, чьё отражение в зеркалах оставалось неизменно пустым, — то стыд — это внешний глаз стаи, инсталлированный прямо в Корону. Стыд никогда не спрашивает, причинил ли ты кому-то реальный физический вред. Стыд спрашивает другое: *как твоя туша выглядит в глазах группы?*

— Но ведь стыд удерживает нас от низости?

— Можно совершить чудовищную, кровавую мерзость и не испытать ни капли стыда, если стая заранее одобрила её и маркировала как коллективный подвиг. И можно не сделать абсолютно ничего разрушительного, но буквально сгореть от стыда, если группа объявила твоё случайное поведение позорным или смешным. Стыд не имеет моста к истине — он наглухо привязан к наличию наблюдателя. Это гениальный биополитический механизм эконо-

мии физического насилия. Стае нет необходимости каждый раз бить особь палкой по хребту — достаточно научить её заранее ментально представлять, как на неё смотрят сородичи.

Мудрец указал на ряды зеркальных отражений, где проступали силуэты запертых приматов:

— Контроль становится полностью автономным. Примат ещё не нарушил социальный код, но его симулятор уже рисует ему презрительные лица толпы. Мужчина обязан панически бояться показаться слабым или нересурсным. Женщина — неправильной или сексуально неликвидной. Старик — бесполезным атавизмом. Бедный — ленивым скотом. Каждому млекопитающему выдают индивидуальную клетку параметров, а потом ласково называют её «идентичностью».

Мудрец коснулся одного из зеркал, которое мгновенно превратилось в светящийся экран смартфона:

— В цифровую эпоху этот механизм достиг абсолютного технологического совершенства. Теперь стае нет нужды собираться на площади ради ostracism — площадь круглосуточно встроена в твой карман. Репутационная казнь организуется за несколько часов силами алгоритмов. Лайки, комментарии, скриншоты личных переписок, публичные доносы, отмена и мемы превратили древний страх изгнания в круглосуточный онлайн-ошейник. Средневековая деревня хотя бы спала по ночам. Цифровая стая караулит твой дофаминовый контур без перерывов на обед.

VI. О дубине, переодетой в процедуру

Вскоре двое оказались у подножия Суда Костей. Этот колоссальный амфитеатр был собран из чередующихся слоев черепов и бёдер. Судейская скамья высилась в центре, а деревянный молоток председателя был выточен из затылочной кости примата с аккуратной гравировкой: «ПОРЯДОК».

— Обыватель привык смотреть на государственный закон как на великое торжество чистого разума над первобытной дикостью, — Мудрец провел рукой по судейской трибуне. — Ему нравится сказка о том, будто приматы в один прекрасный день прозрели, сели в круг, написали мудрые кодексы и построили стерильные здания судов ради справедливости.

— А разве правовые институты не отменили закон джунглей?

— Умилительная, инфантильная чушь. Закон никогда не отменял насилие. Закон лишь централизовал его право на применение и позволил высшим хищникам в иерархии его полностью монополизировать.

— Как система функционировала до этой монополии?

— В дикой стае обиженная особь сама хватала камень и шла восстанавливать нарушенный баланс сил. Это было хаотично, энергозатратно и смертельно опасно для гомеостаза всей группы: личная месть мгновенно мутировала в бесконечную цепочку ответных убийств, разрушая производительность загона. Поэтому стая сделала то, что любая сложная кибернетическая система делает с хаосом: она отобрала право на физическое насилие у частных туш и передала его специализированному аппарату контроля.

Мудрец взял костяной молоток и с глухим стуком опустил его на трибуну:

— Отныне твоё тело бьёт не сосед по пещере. Тебя бьёт легитимная процедура. Тебя связывает не личный враг, а юридическая форма. Тебя помещает в клетку государство, подписавшее нужную бумагу нужной рукой элиты. И примат, потрясенный эстетикой ритуала, мант и печатей, начинает искренне верить, будто перед ним не всё та же первобытная дубина, а некий сакральный Высший Порядок. На деле закон — это всего лишь технический протокол распределения легитимного насилия. Система запрещает тебе самостоятельно ломать врагу череп не из гуманизма, а потому что ей экономически выгоднее самой решать, кому, когда, в каком объеме и каким инструментом ломать жизнь. Суд — это стерилизованная арена, где

звериное желание мести пропускают через синтаксис протоколов. Пока система сильна, дубина исправно удерживает нимб. Но стоит аппарату дать слабину — и примат мгновенно возвращается в исходное состояние первобытной грызни.

VII. О народе, которого не существует

Полдень застал их на Площади Миллионов Голосов. Пространство было абсолютно пустым, но из-под каменных плит непрерывно поднимался мощный, вибрирующий гул, лишенный физических тел. Из расщелин сквозило синтаксическими волнами: *«Народ решил!»*, *«Народ требует!»*, *«Народная воля священна!»*

— Когда вера в небесного законодателя окончательно испаряется под давлением индустрии, — Мудрец остановился посреди площади, — социум моментально синтезирует нового светского идола — Народ. Сей конструкт произносится лидерами мнений с истинно религиозным придыханием.

— Но ведь народ — это мы. Сумма всех граждан, объединенных одной землей, — возразил Странник.

— Перед нами очередной призрак интерфейса, путник. Никакого Народа как единого разумного субъекта, обладающего волей и памятью, в реальности не существует. Если вскрыть эту святыню, внутри обнаружится лишь статистическое облако перепуганных, уставших, завистливых, внушаемых и катастрофически плохо информированных приматов. Их туши временно стягиваются в единую смысловую массу при помощи цветной ткани флага, звуковых ключей гимна, телевизионного излучения, единого школьного учебника и регулярной трансляции общих внешних угроз.

Мудрец топнул ногой по плите, и гул под ней на секунду прервался:

— Один примат может обладать проблесками критического анализа. Миллион приматов никогда не эволюционируют в мудрость — они превращаются в массу. А масса не умеет мыслить неокортексом — она способна лишь заражаться, резонировать и реагировать лимбическим ядром на простейшие двоичные сигналы: *свой/чужой, опасность/добыча, возжак/предатель, великий реванш/национальное унижение*. То, что в культуре принято величать «волей народа» — это результат грамотной калибровки коллективного страха пастухами системы. Достаточно упаковать общую обиду, указать точный источник угрозы — и миллионы изолированных нервных систем начинают синхронно выдавать один и тот же политический спазм. Следом является жрец нового типа — политик, активист или чиновник — и торжественно зачитывает системный лог: *«Так хочет народ»*.

Мудрец иронично обвел взглядом пустую площадь:

— Удобнейшая лингвистическая переменная, за которую можно спрятать любое насилие, войну, репрессии, отмену вчерашних свобод и очередное перераспределение ресурсов в пользу высших хищников. Концепт Народа выполняет ту же функцию, что и Бог в старой метафизике — он полностью снимает персональную ответственность с конкретных рук, держащих топор. Меняется камуфляж интерфейса, но дубина исправно получает свой нимб. Демократический интерфейс делает этот фокус эстетически приемлемым для скота. Примату выдают бумажный бюллетень, лозунг и иллюзию причастности к управлению законом. Поставив галочку, обезьяна испытывает короткий серотониновый подъём: её мнение якобы учтено, она не скот, а гражданин. Выборы — это процедура обновления веры в то, что власть вообще имеет отношение к твоему выбору. Сам же народ в это время работает, стареет, безропотно платит по кредитам, послушно ненавидит назначенных врагов и испытывает глубокую гордость за то, что его тушу в очередной раз использовали как источник сакральной легитимности системы.

VIII. О порогах, которых нет в биологии

К закату они вышли к Стене Порогов — бесконечной каменной ленте, по всей длине которой топором были нанесены грубые горизонтальные черты. Возле каждой черты виднелись административные маркеры: *до / после, можно / нельзя, ребенок / субъект права, дегенерация / легальное удовольствие.*

— Особо забавно наблюдать, — Мудрец провел пальцем по одной из высеченных черт, — как закон пытается работать с текучей, рабской биологической реальностью при помощи грубых бинарных переключателей. Юридический интерфейс принципиально не умеет видеть плавный процесс развития системы — он способен распознавать только искусственный порог. До порога — табу. После порога — легальная норма. За один день до установленной даты система видит один статус соматического носителя, а через день после неё — диаметрально противоположный.

— Но ведь границы необходимы для защиты, например, незрелых особей? Возраст согласия — это реальный забор от хищников.

— Защитная функция здесь реальна — вред от эксплуатации и асимметрии власти не исчезает от того, что кто-то назовет его культурным конструктом. Но именно поэтому закон вынужден делать то, что он умеет лучше всего: резать живую ткань топором порога. Биология не совершает магического скачка в полночь. Нейронные сети примата не достраиваются по сигналу календаря за секунду. Уязвимость, социальная неопытность и внушаемость не испаряются по щелчку бюрократического тумблера. Но закон не может проводить индивидуальную нейробиологическую экспертизу каждой отдельной особи — ему нужен массовый, грубый протокол управления. Поэтому он создаёт пороговую фикцию. А общество тут же сакрализует её, потому что без этого забора от загона начинает слишком сильно смердеть хаосом. Практическая граница со временем обрastaет моральной мистикой.

Мудрец развернулся спиной к стене:

— Точно такой же фокус система проделывает с интоксикацией сознания. Одни способы менять химический баланс синапсов демонизируются культурой как падение, грязь и маргинальное разрушение личности. Другие — спокойно и прагматично встраиваются в макроэкономику: ритуалы употребления этанола, кофеиновая стимуляция офисного скота, сахарная дрессировка детей, никотиновая зависимость и фармакологическое обслуживание работоспособности винтиков. Система никогда не спрашивает, где чистое зло, а где объективное добро. Её интересует совершенно иной лог: какие формы интоксикации совместимы с текущей производительностью загона, налогообложением и управляемостью стада?

Мудрец указал на старый плакат, вбитый в камень: «Кампания за общественную безопасность».

— Циничным примером того, как стая упаковывает свои шкурные политические интересы в одежды «закона и общественной безопасности», является историческая кампания, запущенная одной из западных администраций на пике крупного военного кризиса прошлого века. Обывателю скармливали благообразный миф: государство якобы заботится о здоровье префронтальной коры молодых приматов, оберегает генофонд и борется с деструктивными веществами. Консоль геополитики зафиксировала совершенно иной лог: это была чисто аппаратная зачистка политических конкурентов элиты. Спустя годы один из ключевых советников той администрации открыто признал этот системный маневр. Он констатировал, что у руководства было два врага: антивоенные активисты и определенные расовые группы. Законодательно запретить протест или этническую принадлежность было невозможно. Но принудительно связав в общественном сознании протестующую молодежь с употреблением запрещенных растительных веществ, а этнические меньшинства — с нелегальными химическими стимуляторами, и жестко криминализовав обе субстанции, система получила легальный поводок. Аппарат получил право заходить в их общины, арестовывать лидеров, устраивать обыски и шельмовать их по вечерним новостям. Происходила расчетливая перекодировка: политическая угроза мас-

кировалась под маркер девиантности, оппозиционер связывался в восприятии масс со статусом преступника, и насилие легализовалось через процедуру.

— Это шедевр биополитического менеджмента, путник. Лимбическая система обывателя панически боится хаоса и «нечистоты». Запретная субстанция была объявлена экзистенциальной угрозой основам загона. Общество моментально заразилось этой паранойей. В итоге эго нации выдали готовый скрипт: те, кто протестуют против бессмысленной бойни — не сознательные граждане, а дегенерировавшие маргиналы. Правовое поле было использовано не для установления справедливости, а для легального уничтожения оппозиции. Судебная процедура превратилась в конвейер по утилизации пассионарного ресурса стаи, который посмел пойти против воли вожаков альфа-клана. Закон снова доказал свою истинную природу: это всего лишь гибкий софт, который правящие альфы переписывают на ходу, чтобы дубина государственного насилия всегда опускалась на головы «препятствий» с максимальным общественным одобрением.

IX. О прямом коде мясного рынка против романтической оболочки

Они углубились в кварталы Города Транзакций. Здесь стены зданий напоминали бухгалтерские гроссбухи, где фиксировались параметры обмена плоти на ресурсы.

— Аналогичный сбой графического интерфейса культуры происходит, — заговорил Мудрец, — когда интеллект вскрывает скрытые механизмы сексуального обмена внутри популяции. Стоя веками продавала брачные союзы, титулы, наследование, социальный статус, мужское и женское тело, репродуктивный доступ и экономическую зависимость под благообразным видом приличия, любви и «священных уз». Институт традиционного брака исторически являлся договором долгосрочного лизинга плоти и ресурсов, где самка меняла свою фертильность на безопасность и калории, а самец — избыток ресурсов на гарантированную передачу своих генов в будущее. Но стоит этому обмену стать слишком прямым, прозрачным и лишиться лингвистической упаковочной бумаги, как у стада включается агрессивное коллективное отвращение.

— Проституция вызывает ярость загона не потому, что она объективно вредна. Она совершает страшное преступление против софта симуляции: она обнажает прямой API транзакции, полностью минуя красивый графический интерфейс (GUI) культуры. Когда сделка совершается открыто, за кэш или крипту, без ритуалов ухаживания, стихов, клятв у алтаря и совместных походов в торговые центры, она уничтожает сакральный камуфляж, обнажая сырую, животную суть человеческого спаривания. Стадо не может вынести этой простоты. Ему необходимо, чтобы мясной трейдинг был обязательно обмазан романтическим пафосом, иначе примату придется признать, что его «высокие чувства» — это лишь коммерческий контракт, оптимизирующий распределение энергии внутри муравейника. Прямой обмен разрушает иллюзию исключительности, поэтому проституция маргинализируется, а закон выстраивает вокруг неё санитарный кордон из статей, защищая хрупкое эго обывателя от созерцания голых проводов симуляции. Табу не защищает истину. Табу защищает удобную форму лжи.

X. О теле, которое не принадлежит тебе

Глубокой ночью они вышли к Госпиталю Без Выхода. Это был бесконечный ряд медицинских коек, сделанных из рёбер, к каждой из которых трубами искусственного жизнеобеспечения были наглухо прикованы соматические формы. Они не были живыми существами в полном смысле слова, но аппаратная часть не позволяла им окончательно распасться.

— Особо наглядно тоталитарная природа загона проявляется в жестком табуировании права особи на собственную смерть, — Мудрец остановился у постели гниющего аватара. — Социум с удовольствием эксплуатирует тело примата, пока оно способно приносить системную пользу: работать на конвейере, рожать новых налогоплательщиков, исправно платить по

кредитам, безропотно терпеть, потреблять цифровой мусор и служить живым носителем для чужих идеологических ценностей. Но стоит особи заявить претензию на окончательное и единоличное распоряжение собственным существованием, как система моментально впадает в биополитическую ярость.

— Но ведь медицина борется за жизнь из сострадания?

— Внезапно выясняется, путник, что твой аватар тебе юридически не принадлежит. Ты — всего лишь арендованное имущество муравейника. Твоя туша поставлена на баланс и жестко распределена между семьей, врачебными протоколами, государственной демографической статистикой и коллективным страхом окружающих перед собственной смертностью. Самоубийство или добровольный уход из жизни (эвтаназия) на языке консоли классифицируются системой не как трагедия личности, а как несанкционированное уничтожение государственной собственности и кража потенциального ресурса у улья. Поэтому система готова до последнего держать истощенное, страдающее тело на аппаратах, искусственно продлевая агонию ради чистой бюрократической отчетности. Тебе запрещено нажать кнопку выключения питания, потому что право на убийство и утилизацию мяса стая всегда оставляет исключительно за собой. Ты должен умереть только тогда, когда разрешат вожаки: на официальной войне за интересы высших хищников, от старости в геронтологическом вольере или от болезни, успев предварительно оплатить все счета фармацевтическим корпорациям. Твой уход без разрешения — это системный бунт, ломающий миф о том, что загон создан ради твоего блага.

XI. О правах, начертанных на воздухе

На третий день пути они достигли Архива Достоинства. Это было колоссальное хранилище пустых, полусгнивших свитков, на которых блеклым неоновым светом мерцали синтаксические конструкции: «Права человека», «Свобода слова», «Неотъемлемые привилегии рождения».

— Современная вера в неотъемлемые права человека выглядит особенно трогательно, — Мудрец пнул один из свитков, который тут же рассыпался пылью. — Примат произносит эту мантру с таким благоговением, будто лично нашел в вакууме космоса выгравированную табличку со своими привилегиями. Очередное нелепое потакание синдрому «Главного героя». Но консоль реальности снова выдает сухой лог: никаких прав в природе не существует.

— Но ведь право на жизнь — это фундамент цивилизации?

— У младенца, падающего в бурную реку, нет никакого «права на жизнь». Есть скорость течения, температура воды и физическое наличие или отсутствие случайного прохожего на берегу. У слабого примата нет никакого «права на неприкосновенность». Есть лишь текущая способность стаи защитить его от кулака сильного конкурента. У гражданина нет «права на честный суд». Есть конкретное здание суда, зарплата судьи, собранная с налогов, и зависимость элит от стабильности гомеостаза. Права — это не метафизическая истина. Это обычный социальный сервис, который функционирует исключительно до тех пор, пока включена инфраструктура муравейника и обеспечивается приток термодинамического избытка энергии. Именно поэтому права мгновенно испаряются там, где рушится государственная машина или стая впадает в режим жесткого физического выживания. Декларации продолжают лежать в архивах, но если за ними больше не стоит сытая бюрократия и организованное насилие аппарата, они превращаются в музейный мусор. Современный гуманизм утверждает, что человек обладает достоинством от рождения. Это чушь. Человек обладает достоинством ровно в той мере, в какой окружающая система готова тратить ресурсы на поддержание этой иллюзии ради своей экспансии.

XII. О бухгалтерии, которой нет во вселенной

Они вышли к Весам Энтропии. Этот колоссальный, покрытый ржавчиной механизм был сооружен из соединенных между собой ключиц. Чаша с надписью «ДОБРО» и чаша с надписью «ЗЛО» раскачивались на ветру, но обе были абсолютно пустыми.

— Справедливость — пожалуй, самая инфантильная и одновременно самая живучая галлюцинация человеческого эго, — Мудрец указал на качающиеся весы. — Это отчаянная попытка навязать слепой физической реальности правила коммерческого обмена приматов. Особь хочет верить, что во вселенной существует моральный баланс: за хорошим действием обязательно следует награда, за плохим — кара. В объективной реальности за пределами человеческого интерфейса категории справедливости нет. Её невозможно обнаружить в уравнениях физики. Атомам плевать на твои страдания, у гравитации нет любимчиков, а энтропия не различает заслуженное и незаслуженное. Рак у трехлетнего ребенка или цунами, хоронящее под грязью тысячи людей — это естественное течение процессов материи, не содержащее внутри себя никакого морального комментария. Сама идея справедливости выросла из древнего механизма взаимного альтруизма: *«Я поделюсь с тобой добычей сегодня, рассчитывая, что ты поделишься завтра, а если обманешь — стая тебя накажет»*. Это примитивная бухгалтерия млекопитающих, которую эго завернуло в сверкающую обертку «высшей ценности». Когда реальность ломает этот контракт, интерфейс примата начинает трещать. И тогда эго изобретает костыли: карму, загробное возмездие, историческую справедливость или вселенную, которая «всё видит». Все эти конструкции выполняют одну функцию — не дать примату признать, что его страдание не имеет адресата, смысла и будущей компенсации.

Странник взглянул на основание весов, где были видны следы запекшейся крови.

— А как же правосудие? Наказание преступника?

— Вот где Зверь проступает сквозь лак интерфейса ярче всего. Обыватель любит авторитетно говорить, что преступник «должен ответить перед законом». Эта фраза звучит солидно, но если вскрыть её софт, внутри обнаруживается не рациональное желание снизить вред или изолировать опасную особь, а древняя, первобытная потребность увидеть физическое страдание нарушителя. Не просто обезвредить, а именно заставить заплатить болью. Вот где справедливость сбрасывает маску и показывает клыки. Изоляция опасного субъекта рациональна. Компенсация ущерба рациональна. Но наслаждение чужой карой — это Зверь, которому дали судейскую мантию, печать и легитимное право аплодировать чужому падению. Судебный приговор воспринимается стаей как магический акт восстановления баланса. Было страдание жертвы — теперь должно быть эквивалентное страдание виновного. Так кровная месть становится правосудием. Только теперь кровь превращается в годы заключения, штрафы и медленное административное удушение. Стая смотрит на это, её лимбический Зверь наедается, и система фиксирует: баланс восстановлен.

Мудрец холодно усмехнулся:

— Восточная метафизика лишь довела эту бухгалтерию приматов до абсолютного, космического масштаба. Там, где западный примат уповает на разовый посмертный суд, восточный изобрёл непрерывный учет — карму и колесо перерождений. На поверку вся эта «глубокая мудрость» оказывается апофеозом рабского соглашательства со своей нищетой. Если тебя от рождения до смерти топчут, держат в грязи и морят голодом, а твой господин жиреет и безнаказанно распоряжается ресурсами, твоя лимбическая система должна либо толкнуть тело на бунт, либо взорваться от ярости. Но бунт опасен для жизни туши. И тогда эго включает спасительную прошивку: *«Всё в порядке. Мир справедлив. Просто в прошлой жизни я был плохим приматом, а мой господин накопил благую заслугу. Мне нужно смиренно выполнять рабскую работу, и в следующей итерации симуляции я перерожусь в лучших условиях»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.